

О сторонниках „пустого мѣста“

Мнѣніе, что эмиграція на 85% состоитъ изъ монархистовъ было не такъ давно общимъ мѣстомъ. Естественно, казалось бы, что при «объединеніи объединяемого», эти 85% могли-бы, составить такое большинство, что объ остальномъ не пришлось-бы хлопотать. На самомъ дѣлѣ, этого объединеннаго большинства не было, нѣтъ его и сейчасъ. Въ основу сомнительной статистики, родившей «85%», легло недоразумѣніе. Изъ 85% лишь малая часть была подлинными монархистами; умами-же остальныхъ владѣла лукавая и демагогическая формула «преемственности черезъ главнокомандующаго». Несмотря на то, что это ни съ чѣмъ не сообразное исхищреніе нынѣ оказалось уже биологически опроверженнымъ, сторонники въ сущности «пустого мѣста» еще многочисленны, и ихъ существованіе и развиваемая ими дѣятельность продолжаетъ въ какой-то степени мѣшать правильному развитію монархической мысли.

Сама постановка этого вопроса отсылаетъ насъ къ такимъ азбучнымъ понятіямъ, что удивительнымъ иногда кажется, что столь простыхъ вещей можно не знать, или ихъ какъ-то игнорировать. Отнесемъ эту неумѣстность гораздо больше за счетъ послѣднихъ десятилѣтій стараго режима, нежели за счетъ нашей эмигрантской худосочности. Слуги Русской монархіи въ свое время не заботились совершенно о популяризаціи того принципа, которому сами служили. То, что въ этомъ отношеніи дѣлалось, было такъ ужасно бездарно, что вчерашние революционеры до сихъ поръ объ этомъ вспоминаютъ съ благодарностью.

*

Если бы монархія въ Россіи была уже установлена, то къ Русскимъ людямъ и требованія были-бы предъявлены совершенно иныя. Но въ томъ-то и дѣло, что монархія въ Россіи еще не установлена и что ее нужно установитъ. Пока-же, находящаяся подъ надзоромъ иностранныхъ полицій Русскіе люди въ обязательномъ порядкѣ подчинены лишь мѣстной власти и только въ порядкѣ добровольномъ могутъ считать себя подданными или гражданами будущаго Русскаго государства. Въ такомъ положеніи при, если такъ можно выразиться, инициальной свободѣ въ отношеніи выбора желательнаго для каждаго государственнаго устройства, — въ эмигрантской средѣ и произойдетъ нѣкоторый, еще не совсѣмъ завершившійся, дифференцирующій процессъ. Каждый «отировавъ» сообразно со своей совѣстью и вкусами.

Во время этого процесса, безобязаннаго изъ за все того-же надзора иностранныхъ полицій, отделились всѣ Русскія политическія зарубежныя группировки. Эта отделика, какъ водораздѣльница, оказалась разграниченной на двѣ части, изъ которыхъ каждая характеризируется очень существеннымъ признакомъ.

Одни сложи себя въ правѣ выбирать. Будь то политическую платформу, будь то «сводлѣ», будь то партійную или безпартійную группировку — безразлично. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь шла объ обсужденіи желательнаго для нихъ въ будущемъ формъ верховной власти или личности, имѣющей ее воплотитъ. Самый тотъ фактъ, что они считали себя въ правѣ одобрять или порицать эту форму или личность и былъ, въ сущности, той функцией, за право регулярнаго отправленія которой и борются сторонники народоуластия — республиканцы-демократы, полагающие, какъ извѣстно, что каждый отдѣльный гражданинъ несутъ въ себѣ нѣкоторую крупную разлитога въ народную массу субвертента.

Другіе, волею судьбы, также поставленные въ необходимость найти къ событіямъ какое-то свое, такъ сказать, первичное, отношеніе, — оцѣнили свое по-

ложеніе и свои права и обязанности нѣсколько иначе.

Тяжкій опытъ 17-18 годовъ, подтвердившій слабую худію предположенія, какія можно было сдѣлать въ отношеніи народнаго волеизъявленія, осуществленнаго черезъ посредство всеобщаго голосованія, естественно, направилъ пожеланія этихъ другихъ въ противоположную сторону, въ сторону неукоснительнаго соблюденія нерушимости династической преемственности. Священная охрана права и долга Династіи, оказалась возможной благодаря тому, что смута не смогла истребить, какъ того хотѣла, весь Царскій Родъ. Природный Старшій Представитель его оказался между нами. Эта охрана была къ тому-же облегчена проявленной Имъ инициативой. Такимъ образомъ, уже здѣсь, за рубежомъ, соблюденіе основного и не теряющаго нарушенія правила монархіи — вѣрности природной преемственности, — стало реально осуществимымъ. Съ точки зрѣнія монархиста, это самая большая изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ въ Русской смутѣ цѣнностей. И, въ то же время, въ этомъ заключается самая существенная и самая реальная изъ всѣхъ угрозъ республиканско-совѣтскому строю.

*

При всей безсодержательности термина «признаніе» въ отношеніи уже существующаго строя, — приходится нѣсколько иначе отнестись къ тому значенію, которое ему придалъ нашъ, не въ мѣру цвѣтистый эмигрантскій жаргонъ, и признать за нимъ нѣкоторыя, такъ сказать, права гражданства. Онъ съ безспорностью опредѣляетъ положеніе каждаго «признавашаго» или «непризнавашаго» и даетъ возможность судить объ элементарной сознательности очень многихъ «почтенныхъ» и «сумудренныхъ» особъ. Для насъ, убѣжденных монархистовъ, вопроса этого, вообще говоря, не было. Актъ 31-го августа внесъ нѣкоторую, еще большую ясность въ и безъ того ясное положеніе вещей. Само по себѣ понятно, что мы «признали», что это «признаніе» было первой нашей заботой, тѣмъ единственнымъ шагомъ, который мы сочли своимъ правомъ и своимъ долгомъ сдѣлать. Всѣ тѣ наши дѣйствія, которыя послѣдовали за нимъ, — это только его дальѣйшее развитіе. Это-же нашъ первый шагъ, эта наша добровольная и безоговорочная вѣрноподданность вытекаетъ изъ нашей абсолютной вѣрности въ томъ, что монархія въ наибольшей возможной степени обезпечиваетъ длительное и всестороннее процвѣтаніе Русскаго народа. Что она выведетъ его теперь, какъ выводила раньше, изъ тьмы, болѣзней, нищеты и рабства, — къ свѣту, здоровью, богатству и свободѣ. Что она дастъ ему, какъ давала раньше, возможность развернуть огромныя, заложенныя въ немъ силы. Что она направитъ его развитіе въ широкое и спокойное русло, что она каждому и всѣмъ принесетъ максимумъ спокойствія и благоденствія. Никакихъ иныхъ побужденій къ посягнѣ на вѣрность, кромѣ этихъ у насъ не было. Желаящихъ-же знать, на чемъ мы основываемъ нашу вѣрность въ преимуствѣхъ монархіи передъ республикой, я позволю себѣ отослать прежде всего и больше всего къ недавнимъ урокамъ Русской исторіи и послѣ этого къ непритязательному образу мутно растерянныхъ и демагогическихъ сборищъ случайныхъ людей, называемыхъ здѣсь парламентами. Если это должно быть источникомъ Русской государственной мудрости послѣ большинства, то причитать можно начать уже теперь.

Никакихъ, ни сословныхъ, ни имущественныхъ, ни классовыхъ, ни даже просто профессиональныхъ соображеній мы, при нашемъ вынужденномъ «выборѣ» ориентациі, не имѣли въ виду. Зато, заявивъ о

томъ, что сомнительному критиканству, доморощеннымъ рецептамъ и нелѣпымъ спорамъ мы предпочли вѣрность, — мы не могли, конечно, не сдѣлать всѣхъ надлежащихъ выводовъ.

Изъ положенія, что верховная власть въ Государствѣ должна принадлежать старшему представителю Династии, вытекаетъ прежде всего для всякаго монархиста обязанность именно о соблюдении этого правила всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ и всѣми мѣрами. Возможность его обязательнаго и интегральнаго осуществленія въ Россіи и есть та цѣль, которую преслѣдуетъ всякій монархистъ. Это и есть установленіе монархіи! Совершенно нелѣпными и именно несознательными «монархистами» являются, поэтому, тѣ люди, которые, не будучи въ силахъ преодолѣть своего личнаго перасположенія къ Старшему Представителю Династии, заявляютъ, что, «не признавая Его, они все-же остаются монархистами».

Эти люди, сами того не подозрѣвая, въ сущности, являются республиканцами, и непонятно, почему они не только не входятъ въ составъ РДО, специально для нихъ учрежденнаго Милюковымъ, но еще всячески эту организацию порицаютъ. Но, конечно, это даже не лицемеріе. Это нѣкотораго рода помутненіе мышленія. Ихъ позиция (если только это вообще позиция!) можетъ быть двоякимъ образомъ атакована. Во первыхъ, въ томъ, что касается «непріемлемости» для нихъ личности Государя. Я позволю себѣ привести, не лишнюю яду, выдержку изъ Тихомирова. Вотъ, что онъ, съ присущей ему ясностью, именно по этому поводу, говоритъ: «Когда принципъ личныхъ достоинствъ беретъ по какимъ бы то ни было причинамъ верхъ надъ несомнѣлемостью династическаго права и когда, стало быть, самый принципъ монархіи подрывается въ нашіи — таковая, въ сущности, становится уже невозможной и, во всякомъ случаѣ, теряетъ возможность развивать свои лучшія силы и стороны. Какъ-бы то ни было, плохія качества законнаго носителя власти, естественно, могутъ соблазнять къ попыткамъ нарушенія легитимности. Но тутъ-то и должно помнить принципъ, что во всякое время и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ лечить монархію посредствомъ нарушенія легитимности — это все равно, что лечить головную боль посредствомъ ампутаціи головы».

Ссылки на «исключительныя обстоятельства» стоять въ этомъ случаѣ на уровнѣ легкомыслія, чтобы не сказать больше. Именно, въ исключительныхъ-то обстоятельствахъ, соблюденіе основнаго правила монархіи бесспорно обязательно для всякаго, называющаго себя монархистомъ. Что-же касается до критики «личности» Государя, то странно бываетъ каждый разъ констатировать, что она основана на сплетняхъ. На сплетняхъ-же въ свое время была основана вся кампанія противъ личности покойнаго Государя Николая II-го. Не тѣли, кто вое время велъ эту гнусную агитацію либерально-кадетскаго аспекта, теперь съ усердіемъ посыпаютъ панхиды по царской семьѣ! Раньше сплетничали — теперь молятся. Въ промежуткахъ между молитвами — снова сплетничаютъ. А актовъ своего Государя, Его трезвыхъ сужденій, Его милостивости, Его терпимости, Его спокойной сдержанности не знаютъ, не замѣчаютъ.

Во вторыхъ, монархистамъ, разбираемаго мною тина, слѣдовало-бы помнить еще объ одномъ противорѣчій ихъ «позиціи». Опять такъ, азбучно утверждать, что при монархическомъ устройствѣ Государства носителемъ верховной власти является наследственный правлереяникъ, а не народъ, и что, обратно, демократія предполагаетъ суверенность возлудой въ народѣ, каждая особь котораго какъ-бы воплощаетъ и носитъ въ себѣ круцицу этого верховнаго права. Такъ вотъ тутъ-то и оказывается, что монархисты, выбирающіе Царя, хотя бы даже только

изъ числа лицъ царской крови, этимъ самымъ осуществляютъ ту функцію, противъ которой сами-же возстаютъ, какъ противъ гибельной. Полагая себя въ правѣ критиковать, не поддерживать, вообще какъ то, въ нашемъ случаѣ, мѣшать тому единственному лицу, которое, по ихъ-же принципиальному убѣжденію, должно существовать именно для устранения этого гибельнаго многоголосаго критиканства, — они тѣмъ самымъ, не только ратуютъ за передачу имъ Его суверенныхъ правъ, но уже сейчасъ, въ полной гармоніи съ демократическими приемами эту свою самоуправенную суверенность осуществляютъ.

Въ видѣ какъ-бы приложения къ вышеуказанному напомию опять таки основнаго правила, которое нынѣ не очень популярно. Часто приходится слышать о томъ, что монархія хотя и желательна, но невозможна въ настоящее время, и что, поэтому, слѣдуетъ ей предпочесть что-то болѣе реальное, напримеръ диктатору, гениальной личности, вождя, или, что еще удивительнѣе, временное, а иногда и принципиальное «непрѣдѣлство».

Такъ вотъ по этому поводу можно возразить, что если руководствоваться принципомъ наибольшей легкости достиженія, то легче всего, реальнѣе всего, — это просто признать уже существующую въ Россіи республиканско-пролетарскую власть. Если-же стоять на точкѣ зрѣнія необходимости, во-первыхъ, устранения этой нелѣпой власти и, во-вторыхъ, замѣны ея другой, — то въ первой стадіи — уничтоженіи, хороши, очевидно, всѣ способы, — а во второй стадіи, — воззоданіи, не легкость осуществленія постройки должна быть цѣлью, а прочностъ возводимаго зданія и степень его практическаго и моральнаго совершенства.

Наконецъ, нельзя не вернуться къ уже затронутому мною вопросу о «признаніи».

Какъ я сказала, этотъ вопросъ вообще можетъ существовать только здѣсь, за границей. «Признаніе» это какъ-бы добровольное, теоретическое, такъ сказать, подданство, которое въ нормальныхъ условіяхъ бываетъ обязательнымъ. Право на «непризнаніе» есть, въ сущности, одно изъ завоеваній февралія! Если представить себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что Государь Николай II-ой, Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексій Николаевичъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ пали бы жертвой не революціонной, а желѣзно-дорожной катастрофы, скажемъ, въ январѣ 1917-го года, то естественнымъ ихъ преемникомъ оказался-бы Государь Кирилль Владимировичъ, и никому вообще въ голову не могъ-бы прийти вопросъ о признаніи или непризнаніи Его. Конечно, теперь положеніе не то. И, хотя теоретически, всѣ Русскіе, хотя бы они того, или не хотѣли, «отъ Бесѣдовскаго и до Маркова II-го», и являются подданными Русскаго Государя Кирилла Владимировича, все-же значеніе этого подданства не одинаково для монархистовъ и революціонеровъ. Самое названіе послѣднихъ опредѣляетъ ихъ позицію. Что-же касается до «не-революціонеровъ», т. е. непрѣдѣлшевъ и «негитимныхъ монархистовъ» — то въ отношеніи первыхъ никакое, вообще, сужденіе невозможно.

Это принципиальный идѣйный «пасивизмъ», и говорить съ людьми, откровенно сознающимися въ томъ, что они сами не знаютъ чего хотѣть, о преумиществе монархіи надъ республикой — совершенно безплодное занятіе. Самое лучшее подождать ихъ проявленія, чего, впрочемъ, они и сами скромно ждутъ.

Въ отношеніи вторыхъ, т. е. «негитимныхъ монархистовъ», которыхъ въ эмиграціи больше всего, слѣдуетъ отмѣтить, что только время, потребное для того, чтобы они могли «восприять» и «заключить», нѣкоторая медленность въ эволюціи ихъ мысли, служило тѣмъ препятствіемъ, которое до сихъ

порь м'шало имь «признать» Государя, и изъ состо-
яния пассивного подданства перейти въ состояние ак-
тивного вѣроподданства. Въ этомъ есть и положи-
тельная сторона. Это то, что раньше называлось
«крѣпкой душой». Когда всензлѣчивающій врачъ —

время, ихъ исцѣлить, когда они додумаютъ свою ду-
му до конца, — то они твердо будутъ стоять на пу-
ти царской службы и съ него ихъ уже ничѣмъ не-
льзя будетъ сбить.

Я. Н. Горбовъ.

Эволюція фашизма

I.

Въ июль 1926 года въ нью-йоркской газетѣ
«Review of Reviews» появилась статья, посвящен-
ная итальянскому фашизму, въ которой говорилось
слѣдующее: «Вы не можете долго оставаться въ
любой еропейской странѣ безъ ощущенія, что,
при анализѣ международнаго положенія, по сравне-
нiю съ итальянской проблемой, всѣ другія про-
блемы не имѣютъ существеннаго значенія. Вопросъ,
который вся Европа ставитъ себѣ со все возраста-
ющей тревогой, гласитъ: «Куда идетъ Муссоли-
ни?» Дѣйствительно, если здраво судить о собы-
тияхъ, то можно замѣтить, какъ фашизмъ изъ фа-
зы национальной переходитъ въ фазу интернати-
ональную. Нужно отмѣтить, что фашистскій методъ,
который имѣлъ успѣхъ въ Италiи, становится все
болѣе и болѣе привлекательнымъ для народовъ,
страдающихъ отъ тѣхъ же золь, которыя уничто-
жены въ Италiи, благодаря фашизму, и не видя-
щихъ никакого другого способа избавиться отъ
всѣхъ золь современной демократической систе-
мы. Вотъ тѣ причины, которыя дѣлаютъ фашизмъ
въ данный моментъ самымъ интереснымъ и значи-
тельнымъ явленiемъ въ Европѣ».

Въ интересной книгѣ «L'Italie fasciste ou
l'autre danger» Людовикъ Нодо опредѣляетъ фа-
шизмъ прежде всего, какъ «результатъ итальян-
ской рождаемости». «Онъ выражаетъ», говоритъ
онъ, «гнѣвъ и презрѣнiе преувѣличеннаго притя-
занiя слишкомъ многочисленной, но бѣдной на-
ции, имѣющей огромное число молодыхъ людей,
желающихъ сдѣлать карьеру и захватить добычу...
Фашистскія притязанiя являются прежде всего тре-
бованiями перенаселенной страны, обѣятой горяч-
кой честолюбiемъ, чрезмерно возбужденной, которую
толкаетъ къ дѣйствию то, что Прудонъ назвалъ
«науцеризмомъ»... Все сейчасъ происходитъ въ Италiи
такъ, словно она готовится къ большой войнѣ,
предвидя ея наступленiе въ 1932 году».

«Фашизмъ, основанный на культѣ силы», гово-
ритъ онъ далѣе, «является опасностью для сосѣд-
ныхъ демократiй. Чѣмъ больше онъ дисциплини-
руетъ Италiю, тѣмъ болѣе это происходитъ во
враждебномъ ко всему иностранному направленiи.
Въ случаѣ распространенiя фашизма на всю Европу,
это означало бы порабощенiе всей западной ци-
визацiи самымъ фантастическимъ национализмомъ
и принесло бы Европу въ жертву безудержному
милитаризму».

Дѣйствительно, фашизмъ провозгласилъ, что
нацiя — выше всего, что она есть Абсолютъ, что
нѣтъ никакихъ нормъ, даже нравственныхъ и ре-
лигиозныхъ, выше ея стоящихъ, и что, поэтому доб-
ромъ является все, что служитъ интересамъ нацiи
и наоборотъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ идеоло-
говъ фашизма, профессоръ Джованни Джентиле,
въ своей книгѣ, «*Ché cosa è il fascismo*» («Что та-
кое фашизмъ?») говоритъ: «Фашизмъ—это религiя,
объектъ которой нацiя». Исходя изъ этого, онъ
полемизируетъ противъ формулы Мациани: «Богъ
и народъ». «Мациани ставилъ абсолютную цѣн-
ность идеальныхъ народныхъ правъ и притязанiй»,
говоритъ онъ, «въ зависимость отъ нѣкоего рели-
гиознаго повѣтiя, именно исходя изъ взгляда на

народъ, такъ какъ живое откровенiе Бога. Фашист-
ская же концепцiя национальнаго государства, воз-
вышающагося надъ классами, группами и личностями,
не является утилитарнымъ взглядомъ на него,
какъ на средство къ достиженiю другихъ цѣлей,
которымъ государство якобы должно служить: фа-
шизмъ смотритъ на государство, какъ на нѣчто аб-
солютное, имѣющее цѣль въ самомъ себѣ, а пото-
му божественное».

Мы видимъ тутъ удивительное сходство съ ос-
новами коммунистической морали, поставившей
критерiемъ добра и зла лишь соответствiе того
или иного дѣйствiя съ интересами пролетариата,
какъ класса. Только вмѣсто послѣдняго фашизмъ
поставилъ нацiю. Для полноты сходаства отмѣтимъ,
что фашистские писатели любятъ, сравнивая итал-
янскiй народъ съ другими народами, называть его
«народомъ - пролетарiемъ», на долю котораго вы-
пала мессiанская роль. «Бѣлкая пролетарская на-
цiя» (это выраженiе было выдвинуто самими итал-
янами), говоритъ Луи Роя въ своей «Исторiи Му-
солини», «отказываясь внутри своей страны отъ
классовой борьбы, стремится произвести револю-
цiю не на собственной своей территорiи, но во
всемъ мiрѣ за счетъ тѣхъ народовъ, которыхъ она
считаетъ слишкомъ широко надѣленными богат-
ствомъ и землей».

Но, такъ какъ интересы различныхъ нацiй не-
минуемо сталкиваются, то, разумеется, нѣтъ и не
можетъ быть никакихъ общихъ, обязательныхъ для
всѣхъ народовъ, требованiй нравственности — у
каждаго народа своя мораль — и война между от-
дельными нацiями въ самомъ принципѣ становитъ
неизбѣжной. Отсюда то чувство ненависти къ
чужеземцамъ, которое нерѣдко поражаетъ иностран-
цевъ при ихъ посѣщенiи фашистской Италiи. Донъ
Луиджи Стурца, глава католической народнои пар-
тiи и политическiй противникъ Муссолини, въ сво-
ей книгѣ «Италiя и фашизмъ», описывая фашистскiя
манifestацiи, говоритъ: «Рѣчи полны угрозами,
ругательствами, замена, развернутыя на улицахъ,
украшены символами, говорящими о смерти и крови.
Маленькiя дѣти, принадлежащие къ фашистско-
му дѣтскому союзу «Баллала», распѣваютъ пѣсни,
полныя ненависти и призывовъ къ мести».

Что касается отношенiя фашизма къ религiи, то
еще въ первые годы его существованiя, именно въ
сентябрѣ 1919 года, Муссолини въ своей миланской
рѣчи совершенно откровенно высказывалъ свое от-
рицательное къ ней отношенiе: «Я бы желалъ ви-
дѣть», говорилъ онъ, «народъ язычскiй, желающий
борьбы, жизни, прогресса, не вѣрующiй стѣло въ
истины такъ называемаго «откровенiя» и съ презрѣ-
нiемъ относящiйся ко всякимъ чудотворнымъ
панцеямъ».

А вотъ отрывки изъ такъ называемаго «фаши-
стскаго катехизиса», который преподается итальян-
скимъ дѣтямъ въ фашистскихъ дѣтскихъ органи-
зацiяхъ «Баллала» и противъ котораго Католиче-
ская Церковь, въ лицѣ одного изъ итальянскихъ
епископовъ, въ свое время заявила протестъ:

Вопросъ: Что означаетъ выраженiе «быть фа-
шистомъ?»

Отвѣтъ: Это означаетъ — соблюдать заповѣ-
ди, уставы и таинства Италiи.